

ЦЕПНЫЕ ПСЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

100 ЛЕТ НАЗАД В США РАЗРАЗИЛСЯ ПЕРВЫЙ ШУМНЫЙ СКАНДАЛ, СВЯЗАННЫЙ С ЖУРНАЛИСТСКИМ РАССЛЕДОВАНИЕМ: ЖУРНАЛ McCLURE'S MAGAZINE ЗАВЕРШИЛ ПОЧТИ ДВУХЛЕТНЮЮ ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЕЙ ИДЫ ТАРБЕЛЛ, ПОСВЯЩЕННЫХ НЕЧЕСТНОЙ ИГРЕ НА РЫНКЕ КРУПНЕЙШЕЙ НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ STANDARD OIL. РЕЗУЛЬТАТОМ СТАЛО ЗНАМЕНИТОЕ РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США ОТ 1911 ГОДА О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ РАЗДЕЛЕ STANDARD OIL. ТАК СТАРТОВАЛА ЖУРНАЛИСТИКА НОВОГО ТИПА — MUSK-RAKE («РАЗГРЕБАНИЕ ГРЯЗИ»), КОТОРАЯ, МОЖНО СКАЗАТЬ БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ, ИЗМЕНИЛА ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ.

НА РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ STANDARD OIL
ТАРБЕЛЛ ПОТРАТИЛА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

НЕСТАНДАРТНЫЕ МЕТОДЫ STANDARD OIL

Нефть, которая была известна как источник энергии еще в древности, до середины XIX века добывали лишь открытым способом. Только в 1859 году была пробурена первая скважина — в Тайтусвилле (штат Пенсильвания). После этого открытие в США очередного месторождения немедленно приводило к локальной нефтяной лихорадке, ничем существенным не отличавшейся от легендарных золотых или алмазных. С последними раннюю нефтедобычу роднил и царивший правовой беспредел: в середине позапрошлого столетия подземные ресурсы не находились ни в частной, ни в федеральной собственности и все решали удача и расторопность. Тот, кому повезло открыть нефтяные залежи, не мог легально закрепить месторождение за собой и доил его единолично лишь до тех пор, пока на то же место не слетались как пчелы на мед конкуренты. Возникавшие конфликты решались с помощью единственного работающего закона, проверенного еще во времена освоения Дикого Запада, — верного кольца или смит-энд-вессона.

Первоначально нефть использовали преимущественно для получения керосина, который служил топливом для домашних и уличных ламп. Поэтому в конце XIX века наибольший доход приносила не добыча сырой нефти, а ее доставка (сначала с помощью гужевого транспорта, а затем по железной дороге) на нефтеперегонные заводы и дальнейшая переработка в керосин. Именно этим и занялся в 1863 году Джон Рокфеллер, к 23-летнему возрасту успевший сколотить состояние на посреднических сделках. Он вложил \$4 тыс. в нефтеперерабатывающий завод в Кливленде, потом вместе с партнерами построил еще один и быстро стал заметным игроком на рынке нефтепродуктов, где тогда работали тысячи мелких фирм. Успех обеспечивали развитие профильной инфраструктуры (контроль над каналами доставки сырья, собственное производство сопутствующего ассортимента, например серной кислоты, бочек, клея, собственные же склады для хранения продуктов нефтепереработки и т. п.), а также внедрение технологических новинок. С помощью последних удавалось выгонять из сырой нефти больше керосина, нежели получали конкуренты, а кроме того, наладить

успешную торговлю продуктами переработки: смазочными маслами, парафином, вазелином и воском.

Как следствие, Рокфеллер бил соперников и ценой, и качеством — и весьма успешно выдавливал их с рынка. К 1870 году, когда он основал компанию Standard Oil, завод в Кливленде стал крупнейшим в стране. В то же время компания занимала всего 4 % рынка, на котором работали 250 независимых производителей. Однако спустя четыре года ее доля выросла до 25 %, а к 1880 году — до 80–85 % (при этом число компаний-конкурентов сократилось до 80). К концу века монополист Рокфеллер владел танкерами, трубопроводами, многочисленными заводами и активно скупал сошедших с дистанции конкурентов, которые не могли или не хотели вкладываться в новые технологии, нефтехранилища и нефтепроводы (в отличие от Standard Oil), добился скидок у владельцев железных дорог, а кроме того, всячески сокращал производственные затраты. В результате за период с 1870-го по 1885 год цена на керосин упала с 26 до 8 центов за галлон.

В первые десятилетия XX века ситуация на рынке нефтепродуктов резко изменилась. Во-первых, лопнул его керосиновый сегмент: устаревшее осветительное топливо было окончательно вытеснено газом и электричеством. Зато образовался новый — бензиновый (до того бензин считался малопривлекательным отходом процесса переработки и продавался по 2 цента за галлон). Произошло это в связи с начавшимся автомобильным бумом: в 1900 году в США было 8 тыс. зарегистрированных автомобилей, а к 1912-му — уже 902 тыс. Над «керосиновой империей» Рокфеллера нависли тучи...

Еще в конце позапрошлого века угроза исходила из трех источников. Первым были американские конкуренты, с которыми, как уже было сказано, компания успешно разобралась. Вторым — зарубежные, в основном российские: к 1900 году, передав богатейшие бакинские месторождения концерну Нобеля, построив первый в мире танкер «Зороастр» и наладив железнодорожное сообщение с Западной Европой, Россия обогнала США по нефтедобыче (208 тыс. баррелей в день против 170 тыс. американских). И наконец, в 1890 году произошло роковое для детища Рокфеллера

событие: был принят первый антимонопольный закон (закон Шермана). 15 мая 1911 года Верховный суд США признал правомерным решение о принудительном расчленении Standard Oil, к тому времени контролировавшей лишь 65 % рынка, на несколько самостоятельных компаний: Standard Oil of New Jersey (с 1972 года — Exxon), Standard Oil of New York (трансформировавшуюся в Mobil Oil), Standard Oil of California (с 1984 года — Chevron) и др.

Была ли целью агрессивной ценовой политики Standard Oil монополизация рынка и была ли компания, основанная Рокфеллером, строго говоря, монополией (в статье, опубликованной в 1958 году известным экономистом Джоном Макги, это ставится под вопрос) — спорят и по сей день. Но что сделано — то сделано. В начале XX века американская общественность была шокирована публикациями Иды Тарбелл, разоблачавшими деятельность Standard Oil, и рукоплескала решению Верховного суда, приструнившего акул-монополистов. С тех пор право журналистов собирать и публиковать компромат на власть имущих — неважно, в политике или бизнесе, — в этой стране сомнению не подвергалось.

ГРАБЛИ ДЛЯ НАВОЗА

По определению бывшего заместителя редактора газеты Newsday Роберта Грина, «журналистское расследование содержит три основных элемента: журналист копает там, где до него не копал никто; тема достаточно важна для читателя или телезрителя; есть силы, заинтересованные в сокрытии затронутых в расследовании фактов от общественности».

Сегодня в Америке этот жанр — один из надежных путей к славе и обогащению. В случае успеха автор расследования зарабатывает себе громкое имя, неизбежно выходят телевизионные ток-шоу, книги-бестселлеры — все эти дивиденды обычно превышают риски, связанные с возможными и часто весьма серьезными действиями против настырных журналистов, сующих нос куда не следует. Простым американцам нравится наблюдать, как выводят на чистую воду богатых и облеченных властью, причем подспудное желание быть свидетелем ниспровержения того, кому раньше

повезло больше, чем тебе, обычно настолько сильно, что на корню подавляет скепсис по отношению к разоблачающей информации. Как бы то ни было, работает принцип «Что-то все-таки было — иначе не написали бы».

Иное дело — Америка начала прошлого века. Тогда от журналиста, решившего копать в сфере политики или бизнеса, тоже требовалось известное мужество, причем властная и бизнес-элита прессу просто не замечали. В отсутствие современных средств коммуникации первые «разгребатели грязи» проделывали работу, равную той, что сегодня составляет хлеб целой армии разного рода экспертов.

Ида Минерва Тарбелл родилась в 1857 году и стала единственным абитуриентом в юбке, поступившим в колледж Оллегени. В ту пору совместное обучение в американских университетах практиковалось лишь в виде эксперимента, вызывавшего повсеместную критику, и с туманной перспективой. Затем Тарбелл продолжила образование во Франции — в престижных Сорбонне и College de France.

О работоспособности и профессиональных качествах молодой журналистки свидетельствует такой факт. Во время ее учебы во Франции пришел заказ от McClure's Magazine: Иде поручили написать небольшую статью о трансатлантической телеграфной линии. Тарбелл отправилась в Лондон, побеседовала с европейским уполномоченным по прокладке линии, изучила все виды кабелей, представленные в Британском музее, проштудировала литературу по истории кабелей и даже посетила предприятия на окраине Лондона, чтобы ознакомиться с процессом их производства. Собранных Тарбелл сведений хватило бы на целую книгу, однако начинавшая журналистка посчитала, что они придадут статье необходимые убедительность и глубину.

Звездным часом для Тарбелл стало расследование деятельности компании Standard Oil, на которое журналистка потратила несколько лет. За это время она изучила сотни тысяч страниц документов, в поисках которых объездила всю страну, встретилась с десятками бывших и действующих сотрудников Standard Oil, а также компаний-конкурентов, правительственными чиновниками,

юристами, экспертами. Книга Тарбелл «История компании Standard Oil», которую историк Дэниэл Йергин назвал самой важной из когда-либо написанных книг по истории большого бизнеса, вышла через год после окончания журнальной публикации и стала первым журналистским расследованием, достигшим статуса национального бестселлера.

К тому, что нефть — дело грязное, американское общество уже успело привыкнуть. Как и к тому, что любая успешная компания объективно стремится к монополизации рынка, поскольку старается предложить потребителю товары лучше и дешевле, чем у конкурентов. Однако пафос книги был направлен не против нефтяного бизнеса и не против монополий вообще, а конкретно против тех методов (по мнению Тарбелл и косвенно поддерживавшего ее Верховного суда, незаконных), которыми пользовалась Standard Oil. Свою позицию автор двухтомного труда объяснила так: «У меня никогда не было предубеждения относительно их богатства и размеров, я ничего не имела против их корпоративной структуры. Мне хотелось, чтобы они объединялись и становились настолько крупными и богатыми, насколько возможно, но только законными методами. Однако они никогда не вели честной игры, и я утратила благоговение перед ними».

Самое любопытное, что 100 лет назад никому в Америке, в том числе главному «обвиняемому» — Рокфеллеру, и в голову не пришло приструнить зарвавшуюся журналистку. Глава Standard Oil лишь что-то буркнул в том смысле, что «собака лает», а президент Теодор Рузвельт, раздраженный скандалами, связанными с публикациями Тарбелл и других журналистов (о них ниже), ограничился тем, что презрительно обозвал их «разгребателями грязи». Впоследствии это стало общеупотребительным термином. По американскому Webster's New World Dictionary, второе значение существительного muck-rake (буквально «грабли для навоза») — это «поиск и публикация фактов (реальных или утверждаемых голословно) коррупции в политике и т. д.». Популярный англо-русский словарь Мюллера дает и более резкое толкование: «любитель копаться в скандальной хронике и предполагать дурные мотивы поступков».

История со Standard Oil положила начало еще одной практике, теперь привычной и для нас, — PR-кампаниям. После разоблачений Тарбелл основательно пошатнулась репутация живой легенды Америки — нефтяного магната Рокфеллера. У главы Standard Oil пошли неприятности с компаньонами, внутри фирмы, даже в семье, и тогда он, по выражению историков public relations, «выпустил джинна PR из бутылки». Нанятый магнатом журналист Айви Ли, известный в деловых кругах, выстрелил серией хорошо подготовленных статей в крупнейших газетах, причем в этих публикациях акцент был сознательно смещен с предпринимателя и богача Рокфеллера на Рокфеллера — примерного мужа и любящего отца семейства. Расчет оказался верным: сентиментальные американцы вернули «старине Джо» кредит доверия, хотя это и не спасло его компанию.

ДОРОГА НА УОТЕРГЕЙТ

Вскоре после публикаций в McClure's Magazine, прославивших Иду Тарбелл, она перешла в другой журнал — American Magazine, где проработала до 1915 года. Впоследствии Тарбелл занялась вольной журналистикой и публицистикой, написав два десятка книг, например биографии Наполеона и Линкольна (последнему Тарбелл посвятила целых восемь томов!). Также были опубликованы ее размышления о природе бизнеса, в том числе профессиональное исследование тарифной политики, и о роли женщин в обществе.

Одна из самых знаменитых американок XX века, своим профессиональным успехом затмившая претензии сильного пола на главенствующую роль в журналистике, Тарбелл тем не менее находилась в натянутых отношениях с предшественницами современных феминисток — суфражистками. В ответ на их кредо — «Этот гнусный, жестокий и коррумпированный мир создан мужчинами и для мужчин, и исправить его под силу только женщинам» — Тарбелл могла бы процитировать нашего «отца народов»: «Оба хуже». Сама она придерживалась вполне традиционного взгляда на место женщины в этом мире, себя же считала исключением. При этом она признавала, что дорого заплатила за

успех в традиционно мужской профессии: свои восемь с лишним десятков лет Тарбелл прожила в одиночестве — без мужа, детей и друзей.

Помимо всего прочего, Ида Тарбелл прославилась тем, что в разное время отказала двум влиятельным американцам, решившим с помощью ее имени пропиарить собственные затеи. Генри Форд предложил Тарбелл присоединиться к широко разрекламированной им акции: автомобильный магнат решил организовать в 1914 году вояж знаменитостей на Корабле мира в Европу с целью предотвращения мировой войны. Однако знаменитая журналистка сочла этот план абсолютно нереалистичным и откровенно пропагандистским. Не вызвало у нее энтузиазма и предложение президента Вудро Вильсона занять пост в комиссии по тарифам, где до того заседали одни мужчины. Тарбелл заявила, что в своих книгах и статьях уже сказала о тарифах все, что нашла разумным и здравым, и добавить ей нечего.

Не прошли незамеченными и ее неоднократные отказы написать автобиографию — совершенно нетипичная история для соотечественников Тарбелл, которым улыбнулась фортуна. «Бабушка американской журналистики» сдалась, лишь разменяв девятый десяток, незадолго до смерти (она скончалась в 1944 году).

McClure's Magazine стал стартовой площадкой и для другого знаменитого «разгребателя грязи» — Линкольна Стеффенса, которого прославили репортажи, обличавшие коррупцию в администрациях крупных американских городов. Его сенсационная книга «Позор городов» вышла в том же году, что и произведение Тарбелл. Однако профессиональной репутации журналиста повредила его политическая ангажированность: разделявший модные тогда социалистические идеи Стеффенс побывал в советской России, встречался с Лениным и не скрывал своего восхищения большевиками.

Эстафету подхватил еще один известный левак — писатель Эптон Синклер, первым среди американцев удостоенный Нобелевской премии в области литературы. Ярлык «разгребателя грязи» прилип к нему после выхода социологического романа «Джунгли» (1906), посвященного жестоким нравам на крупнейших в стране чикагских бойнях (для получения достоверной

информации писатель устроился работать на одну из них). В отличие от Тарбелл, стремившейся облагородить капитализм, очистить его от произвола монополий, Синклер ставил перед собой задачу прямо противоположную: на конкретном примере продемонстрировать обществу изначальную порочность капиталистического производства.

Однако общество увидело в романе иное: жуткую антисанитарию, среди которой обрабатывалось мясо, предназначенное для стола добропорядочных граждан. И в 1906 году президент Рузвельт, которого трудно было заподозрить в симпатиях к «разгребателью грязи», да еще социалисту, под давлением общественного мнения подписал два федеральных закона, ставших базой для усиления государственного влияния на большой бизнес: о контроле за мясом и о качестве пищевых продуктов и лекарств.

Следующие классические примеры разоблачительных расследований появились уже после Второй мировой войны. В 1946 году бывший военный корреспондент Джон Херси выпустил книгу-репортаж «Хиросима». В ней будущий видный американский прозаик поразил соотечественников альтернативной правдой о героических парнях, сбросивших первую атомную бомбу на японский город.

Полтора десятилетия спустя, в 1962-м, нацию взбудоражили сразу две документальные книги: «Молчаливая весна» Рэйчел Карсон, первый яркий образец экологического «алармизма», и «Другая Америка» Майкла Харрингтона, открывшая глаза богатой Америке на параллельное с ней существование иной — бедной. А в 1970 году вышел шокирующий репортаж известного журналиста Сеймура Херша «Май Лай 4», посвященный трагедии в южновьетнамской деревушке Май Лай, у нас более известной как Сонгми. Результатом этого расследования, несмотря на активные попытки президентской администрации и высшего военного командования замаять скандал, стал знаменитый процесс над лейтенантом Колли, по приказу которого американские солдаты вырезали население деревни, не пощадив даже женщин и детей.

Но вершиной деятельности журналистов-«грязекопателей» стал «Уотергейт», в 1973 году потрясший всю вертикаль

американской власти по самую маковку. Если бы не поразительная упертость двух сотрудников газеты The Washington Post — Боба Вудворда и Карла Бернштейна, которые с тех пор превратились в легенду, администрации Никсона, скорее всего, удалось бы замять скандал, связанный с проникновением агентов Белого дома в предвыборный штаб демократической партии в 1972 году. Во всяком случае, на это были брошены все имевшиеся в наличии силы. В печать просочились тщательно разработанные cover stories («легенды прикрытия» — версии, отвлекающие внимание от истинной подоплеку инцидента), сотрудники Никсона нажали на все доступные им кнопки влияния, а самих Вудворда и Бернштейна подвергли разнообразному давлению: от попыток подкупа до организации компромата и угроз физического устранения. Любопытно, что руководство конкурирующей газеты The New York Times, в распоряжении которой также оказались компрометирующие президента материалы, в отличие от столичных коллег поддалось прямому нажиму Белого дома. Опубликованная в 1974 году книга Вудворда и Бернштейна «Вся президентская рать» принесла авторам славу и премии (став, естественно, бестселлером), а американскому обществу вернула веру в то, что законы писаны и для президентов.

ПРИВЫЧКА К ГРЯЗИ

Для миллионов американцев пионеры разоблачительной журналистики по сей день остаются эталоном гражданского мужества и верности профессии. СМИ в этой стране видятся цепным псом, охраняющим общество от произвола властей, исполнительной, законодательной и судебной, и крупных корпораций, то и дело пытающихся диктовать свою волю рядовому потребителю. Еще более укрепили это реноме недавние громкие «дела» таких гигантов, как Enron, Global Crossing и WorldCom.

Здесь уместно упомянуть, что после событий 11 сентября 2001 года США, по мнению многих аналитиков, начали «леветь» — с угрожающей скоростью дрейфовать в сторону госрегулирования всего и вся. Последовательных либералов усиливающееся влияние государства сильно беспокоит, но большинство перепуганных аме-

риканцев готовы, кажется, пожертвовать ради национальной безопасности свободами, всегда считавшимися главным национальным достоянием.

В этой связи неудивителен недавний успех бестселлера «Грошовая жизнь: как (не) прожить в Америке» журналистки Барбары Эренрейч, которую коллеги уже окрестили второй Идой Тарбелл. Решив проверить, можно ли существовать в богатейшей стране мира на гарантированную законом минимальную ставку почасовой оплаты (в 1998 году она составляла больше \$6), Эренрейч год проработала домработницей, горничной в отеле, медсестрой в ночлежке, официанткой и продавцом в супермаркете. Основные выводы книги: не существует такого понятия, как «неквалифицированный труд»; прожить на минимальную оплату сегодня в Америке физически невозможно (проще получать пособие по безработице); следовательно, федеральная власть должна вмешаться и навести порядок.

Оппоненты этой точки зрения тоже вспомнили о Тарбелл, но в другой связи. В ряде недавних публикаций журналистке попеняли и за отсутствие специального экономического образования, и за излишнюю демонизацию образа Рокфеллера. Упомянули и личные мотивы. Дело в том, что отец Тарбелл сам занимался нефтяным бизнесом и потерпел на этой ниве неудачу. И вообще, мол, не так страшны монополии, как их малюют падкие на грязь малограмотные и пристрастные журналисты. А столетней давности нападки на Standard Oil всего лишь негодные попытки правительственных бюрократов наложить лапу на процветающий бизнес и рыночные свободы.

Знакомство с сегодняшней полемикой вокруг легендарных «разгребателей грязи» рождает странное чувство, будто все это происходило не раз и буквально рядом. Хотя отличие от нашей Думы, к примеру, все-таки имеется: в Америке даже критики журналистских расследований признают, что подобная «грязетерапия» имеет право на существование. Действительно, ее целительные для общества свойства очевидны. Вопрос только в том, когда и при каких заболеваниях использовать «грязелечение» и кто это будет делать: специалист или лекарь-дилетант.